

ВАКХАНКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дионис.	Пенфей.
Хор лидийских вакханок.	Слуга Пенфея.
Тиресий.	Вестник.
Кадм.	Второй вестник.
	Агава.

Действие происходит в Фивах перед дворцом Кадма.

ПРОЛОГ

Дионис

Сын Зевса, Дионис, я — у фиванцев.
Здесь некогда Семела, Кадма дочь,
Меня на свет безвременно явила,
Поражена Зевесовым огнем.
Из бога став по виду человеком,
Я подхожу к струям родимых рек.
Вот матери-перунницы могила:
У самого дворца обломки дома
Еще курятся, — в них еще живет
Огонь небесный, Геры горделивой
На мать мою неугасимый гнев...
¹⁰ Спасибо Кадму: сделал неприступным
Он дочери святилище; его
Со всех сторон я скрыл и винограда
Кистями нежной зелени обвил.
Покинув пашни Лидии золотой,

И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по побережью моря
Соленого простерлась: в городах
Красиво высятся стенные башни,
И вместе грек там с варваром живет.
20 Всех закружил я в пляске вдохновенной
И в таинства их посвятил свои,
Чтоб быть мне явным божеством для смертных.
А потому из городов Эллады
Вас первыми я, Фивы, огласил
Восторга песнью, нарядил в небриды
И в руки дал плющом увитый тирс,
Что сестры матери — кто б мог подумать? —
Во мне Завеса сына не признали
И утверждали, будто, согрешив
Со смертным, мать Зевесу приписала
Свой женский грех; что ловко сочинил
30 Ту басню Кадм и что Зевс Семелу
Убил за дерзко выдуманный брак.
За это их я в бешенстве дома
Заставил бросить: потеряв рассудок,
Они теперь ушли на Киферон
В вакхических одеждах, с жаждой оргий
В груди, и сколько в царстве Кадма есть
Народу женского, — всех с ними вместе
Заставил а покинуть очаги,
Теперь под сенью елей в исступленьи
Бездомные блуждают по скалам.
40 Да, город, ты почувствуешь теперь,
Что значит таинств Бромия чуждаться.
И матери я память освящу,
Явившись людям тем могучим богом,
Который ею Зевсу был рожден.
Почет и власть царя здесь отдал Кадм
Пенфею, сыну дочери Агавы.
Он — богоборец, и ни разу мне

Не сделал возлиянья, и в молитвах
Упомянуть не хочет. Пусть же царь
И прочие фиванцы убедятся,
Что точно бог я. А когда дела
Устрою здесь, — пойду в другие земли.
⁵⁰ Но если с войском двинутся фиванцы,
Чтоб женщин с Киферона возвратить,
Я дам им бой, став во главе вакханнок.
Так вот зачем, обличье изменив,
Из бога стал я с виду человеком.
А вы, со мной покинувшие Тмол,
Вы, Лидии питомицы, подруги
В пути и власти, — вы теперь, тимпан
Над головой фригийский поднимая,
Подарок Реи-матери и мой,
⁶⁰ Столпитесь около дворца Пенфея:
Пусть громкие удары соберут
Сюда фиванцев. Я ж на Киферон
Пойду теперь, к моим вакханкам новым,
И в хороводы легкие вплетусь.

ПАРОД

Во время последних слов Диониса вступает на оркестру
хор лидийских вакханок.

Хор

Земли Азии, где вы?
Тмол священный, ты покинут! Сладок труд мой.
Я истому в славу Бромия подъямлю,
К богу Вакху я взываю: эвоэ!
Прочь с дороги, с дороги!
⁷⁰ Скройтесь в дома, и уста благоговейно
Пусть сомкнутся: Диониса петь я буду,
Как его везде я славлю и всегда.

Строфа I О, как ты счастлив, смертный,
Если, в мире с богами,
Таинства их познаешь ты;
Если, на высях ликуя,

Вакха восторгов чистых
Душу исполнишь робкую.
Счастлив, если приобщен ты
Оргий матери Кибелы;
80 Если, тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису.
Вперед, вакханки, вперед!
Вы, бога и божьего сына,
Домой Диониса ведите!
С гор фригийских на стогны Эллады
Отведите вы Вакха домой.

Антистрофа I Грянули громы Зевса —
Муки родов приспели;
90 Не доносив, извергнула
Бромия мать из чрева
И под ударом молний
Кончила жизнь безвременно.
Но извергнутого принял
Зевс в свое немедля лоно,
И, тая от Геры сына,
Он его в бедре искусно
Пряжкой застегнул златою,
100 Когда же приспел ему срок,
Рогоносного бога родил он,
Из змей он венки ему сделал:
С той поры этой дикой добычей
Обвивает менада чело.

Строфа II Вы, колыбель Семелы,
Фивы, плющом венчайтесь!
Нежной листвой оденьтесь,
Пурпуром ягод тиса!
Вакха исполнись, город,
110 С зеленью дуба и ели!
И белорунных кистей
Больше на пестрой небриде нашей!
Игривый тирс тебя сподобит Вакху, —
И вся страна запляшет за тобою,

Где свои лики промчит Дионис...
В гору он мчится, а женщин толпа
Ждет его там не дождется.
От станков и от ткацкой работы
Их в восторге отбил Дионис.

Антистрофа II ¹²⁰

Крита юдоль святая,
Мрачный приют куретов,
Зрел ты рождение Зевса.
С гребнем тройным на шлеме
Там корибанты обруч
Кожей нашли одетый.

Дико тимпан загудел:

С сладкими звуками слиться хотел

Фригийских флейт; тимпан вручили Рее,

Но стали петь под гул его вакханки,

¹³⁰ Сатирам Рея его отдала:

Звонкая кожа с ума их свела.

В триетериды святые

Его звон веселит хороводы,

Их же любит наш царь Дионис.

Эпод

О, как мне любо в полянах,

Когда я в неистовом беге,

От легкой дружины отставши,

В истоме на землю паду,

Священной небридой одета.

¹⁴⁰ Стремясь ко фригийским горам,

Я хищника жаждала снеди:

За свежей козлиного кровью

Гонялась по склону холма...

Но, чу! Прозвучало: «О Вакх, эвоэ!»

Млекоком струится земля, и вином, и нектаром пчелиным,

Смол благовонных дымом курится.

Прянет тогда Дионис...

И вот уже носится вихрем:

¹⁵⁰

Он нежные кудри

По ветру распустит.

Вот факел горящий в горах замелькал

На тирсе священном,

И с вакхической песнью слились
Призывные клики:
«Ко мне, мои вакханки,
Ко мне, мои вакханки,
Краса горы Пактола!
Злаченные тимпаны
Пусть тяжко загудят!
Воспойте Диониса,
Ликующего бога,
На свой, фригийский лад!
¹⁶⁰ Нежной флейты священные звуки
Пусть нагорный вам путь усладят!»
И призыв еще не смолкнул,
А вакханка в быстром беге
Рядом с Вакхом уж несется:
Точно в стаде жеребенок
Подле матки скачет резвый.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Входит Т и р е с и й.

Т и р е с и й

¹⁷⁰ Эй, кто там у ворот? Поди скорей
И призови мне из покоев Кадма,
Что башнями наш город укрепил,
Придя из стран сидонских. Доложи,
Что ждет его Тиресий.

Один из стражников уходит во дворец.

А зачем —
Ему известно самому. Условье —
Я, старый, он, старейший, — заключили:
Взять тирсы и, накинувши небриды,
Плющом седые головы увить.

К а д м
(выходя из дворца)

О друг любезный! Выйти не успел я,
Уж мудрого по голосу признал.
¹⁸⁰ Иду, иду. Смотри, как обрядился!
Да, сколько в силах наших, я хочу
Сегодня возвеличить Диониса:
Явленный бог — по дочери мне внук.
Ты человек умелый, мой Тиресий,
И я, старик, вверяюсь старику:
Не правда ль, ты укажешь, где плясать мне
И где, остановившись, затрясти
Седую головой? Я столько силы
В себе почувствовал, что день и ночь
Готов стучать о землю тирсом Вакха:
Веселье нам снимает годы с плеч.

Т и р е с и й

Со мною то же, Каdm, — помолодел я
¹⁹⁰ И в хоровод вакхический пойду.

К а д м

Но до горы не лучше ль нам доехать?

Т и р е с и й

А богу тем почет не уменьшим?

К а д м

Мне ль, старцу, старца быть проводником?

Т и р е с и й

Сам бог, о Каdm, нам путь наш облегчит.

К а д м

А мы одни на игрище из граждан?

Т и р е с и й

Увы! Разумных больше не нашлось.

К а д м

Что ж медлить дале! Вот моя рука.

Т и р е с и й

Вот и моя, сплети ее с своей.

К а д м

Нет, презирать богов не мне — я смертен.

Т и р е с и й

²⁰⁰ Да, перед богом тщетно нам мудрить.
Предания отцов, как время, стары,
И где те речи, что низвергнут их,
Хотя бы в высях разума витал ты?
Пожалуй, скажут мне: «И как не стыдно?
Старик плясать собрался и плющом
Чело обвил!» А разве где-нибудь
Нам обозначил бог, что пляшет юный,
А не старик в честь Вакха? Нет, почет
От всех равно приятен богу Вакху:
Поклонников не делит Дионис.

К а д м

²¹⁰ Тиресий, солнце для тебя не светит;
Мой ясный долг — предостеречь тебя.
Вот царь Пенфей, трон от меня приявший,
Сюда спешит. О, как взволнован он!
Что-то нам скажет в гневной речи внук мой?

Входит П е н ф е й .

Пенфей

Уехал из страны я — праздный путь!
Дурные вести слышу отовсюду.
Нежданная постигла нас беда:
Дома, детей фиванки побросали;
В вакхическом безумии они
Скитаются в горах, поросших лесом,
²²⁰ И бога Диониса — что за бог,
Не знаю — буйной почитают пляской.
Среди их роев полные вином
Стоят кратеры, а вакханки наши
Тайком, поодиночке, в чашу леса
Бегут — с мужчиной ложе разделить!
По виду — вдохновенные менады,
Но Афродита им милей, чем Вакх.
Иных я уж поймал: связавши руки,
В тюрьме теперь их люди стерегут.
А тех, что нам покуда не попались,
На Кифероне всех переловлю:
²³⁰ Ино, Агаву, что от Эхиона
Меня родила, Актеона мать —
Я разумею Автоною — крепко
В железо их велю я заковать,
Авось тогда пройдет их беснованье.
Да, говорят, какой-то чародей
Пожаловал из Лидии к нам в Фивы...
Вся в золотистых кудрях голова
И ароматных, сам с лица румяный,
И негя Афродиты у него
В глазах; обманщик этот дни и ночи
С девицами проводит, — учит их
Он оргиям ликующего бога...
Ну, попадись он мне, — тогда стучать
О землю тирсом, встряхивать кудрями
Не долго будет — голову сниму.
Он смеет богом Вакха называть!
Он говорит, что в Зевсовом бедре
Он был зашит — тот жалкий недоносок
Которого огнем небесным Зевс

Испепелил, а заодно и мать,
За лживую о браке похвальбу!
Все это знают, и неужто дерзкий,
Кто б ни был он, хулой не заслужил
Позорной петли? Ба! Что вижу! Новость!
Вот диво-то! Тиресий-чудодей

²⁵⁰ И матери отец, как будто на смех,
В небридах пестрых, с тирсами в руках
Служить собрались Вакху! Дед, могу ли
Я старость чтить, теряющую смысл?
Да сбросишь ли ты плющ? От тирса руку
Освободишь ли наконец, старик?

(Тиресию.)

Все ты, Тиресий? Видно, снова хочешь,
Вводя к фиванцам бога, погадать
По птицам и за жертвы взять деньжонок!
О, если б не седая голова
Тебя спасала, посидел бы ты
Теперь в оковах, там, среди вакханок,
²⁶⁰ За оргии порочные твои!
Нет, тот обряд, где женам подают
Сок виноградный, чистым не признаю.

К о р и ф е й

Безумец! Ни богов, ни Кадма чтить,
Посеявшего колос земнородный,
Не хочешь ты и только род позоришь!

Т и р е с и й

Когда умен вития и предмет
Искусно выбран им — пусть речью плавной
Сердца пленяет. Ты ж, Пенфей, лишь словом
Легко владеешь, точно умный муж,
Ума ж не видно в лоске слов твоих.
²⁷⁰ А гражданин тот вреден, коль, речистый
И властью смелый, смысла он лишен.
Смеешься ты над нашим новым богом:
О, если бы внушить тебе я мог,
Как будет славен он по всей Элладе!

Послушай, сын мой: два начала в мире
Суть главные. Одно — Деметра-матерь
(Она ж Земля: как хочешь, называй).
Она сухой лишь нишею нас кормит;
Ее дары дополнил сын Семелы:
Он влажную нам пищу изобрел, —
²⁸⁰ Тот винный сок, усладу всех скорбей.
В нем он и сон нам даровал, забвенью
Дневных забот — иного ж не найти
Им исцеленья. Он, вдобавок, людям
Сам бог, себя дозволил в возлиянье
Другим богам преподносить — и этим
Всех благ он стал источником для них.
Тебе смешно, затем что Вакх зашит
В бедре у Зевса был. Вот смысл преданья:
Когда его из горнего огня
Исхитил Зевс и дивного младенца
Возвел в богов обитель, на Олимп, —
²⁹⁰ Его согнать с него хотела Гера;
Но Зевс ей воспротивился и мерой,
Достойной бога, Диониса спас.
Эфира надземельного частицу
Он оторвал и дал ей образ сына;
Тот призрак он «заложником» супруге
Ревнивой выдал. Люди же потом —
Сказанье извратив, что бог богине
«Заложником» младенца передал,
И таинства слова переиначив,
Слух распустили, будто Дионис
Взаправду вскормлен был в бедре Зевеса.
Он — и вещатель: в исступленьи Вакха
Пророческого духа скрыта мощь:
³⁰⁰ Своим наитьем необорным бог наш
Завесу тайн с грядущего срывает.
Он — и воитель: сколько раз в строю
Доспехами сверкающее войско,
Еще копья не зная супостата,
Рассеялось! От Вакха этот страх.
И ты увидишь: на горе двуглавой,

Что высится над Дельфами, наш бог
Под пляски шум в дружине тирсоносной
Огнем лучин дубравы озарит
И будет всей Элладой возвеличен.
И ты, Пенфей, послушайся меня:
Не царь один повелевает людям, —
И если ум твой поврежден, покинь
Уверенность, что непреложно судишь.
Нет, бога нового в страну приняв,
Почти его священным возлияньем
И таинств ты смиренно приобщись,
Венком зеленым голову украсив.
Конечно, женщин скромности учить
Не Диониса дело: это дар
Самой природы. Чистая душою
И в Вакховой не развратится пляске.
Когда народ толпится у дворца
³²⁰ И граждане Пенфея величают,
Тебе приятно, да? И Дионис
Неравнодушен к уваженью смертных.
Итак, покрывши голову плющом,
На смех тебе, плясать мы с Кадмом будем:
В честь бога пляска и седым идет.
И не склонишь меня ты спорить с богом:
Безумец ты, и никакое зелье
Не исцелит недуга твоего, —
Скорее, мнится, зельем ты отравлен.

К о р и ф е й

Приносят Фебу честь твои слова.
И, славя Вакха, старец, ты разумен.

К а д м

³³⁰ Дитя мое, Тиресий дал совет
Тебе благой: о, не чуждайся веры!
Будь наш. Теперь не здраво судишь ты, —
Ум затемнен в тебе пустым мечтаньем.

Ну, хорошо, пусть он не бог, все ж богом
Признай его, Пенфей: ведь в этой лжи
Семеле честь, в ней слава роду Кадма!
Перед тобой — несчастный Актеон:
Псы хищные, ты помнишь, растерзали
Его в лесу, когда он утверждал,
³⁴⁰ Что в ловле он искусней Артемиды.
Пока ты цел еще, Пенфей, плющом
Дай увенчать тебя, восславим Вакха!

П е н ф е й

Прочь руки, дед! Сам бражничать ступай,
Меня ж безумьем заражать не думай!
А за болезнь твою мне даст ответ
Наставник твой.

(Одному из слуг.)

Эй, кто там, люди! Живо
Ступай на вышку старого, где птиц
Он поджидает. Все разбей там ломом,
Вверх дном поставь! Его повязки все
³⁵⁰ На жертву кинь ветрам и вихрям буйным.
Злей кары он не выдумал бы сам!
А вы, другие, выследите в Фивах
Лидийца женственного, что принес
Недуг тот новый и пятнает браки;
А изловив, сюда его в цепях
Ведите: пусть он, камнями побитый,
Умрет, на горьком опыте узнав,
Как здесь справляют праздники в честь Вакха.

Т и р е с и й

Несчастный! Сам не знаешь, что творишь:
Твое безумье бешенством сменилось!

(Кадму.)

³⁶⁰ Пойдем, мой Кадм; умолим Диониса
И за него, хоть и жестоким стал он,
И за наш город, чтобы бог беды
Нам не наслал. За мной, с плющом на тирсе

Скорее в путь! А чтоб нам не упасть,
Поддерживать мы, Кадм, друг друга будем:
Два старика упавших — вид печальный...
Но будь что будет, а должны служить
Мы Дионису-богу, сыну Зевса.
Да, Кадм, смотри, как бы Пенфей твой мрачный
Твой славный дом не омрачил бедой:
Не по гаданьям так я говорю,
А по речам, что слышал от безумца.

Уходят. Пенфей удаляется во дворец.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа I ³⁷⁰ О богиня из богинь,
Правда, весь ты мир крылом
Обвеваешь золотым!
Неужели же Пенфей
От очей твоих ушел
И безбожный гнев укрыл,
Гнев свой на Бромия-бога,
Средь венчанного пира
Первого в сонме блаженных?
Сладки дары Диониса:
³⁸⁰ В хороводы вакханок вплетать,
Да под музыку флейты смеяться,
Да из сердца гнать думы, когда
Подают за трапезой богов
Виноградную влагу,
Или на плющом венчаных пирах
Чаша на вежды людские дремоту наводит.

Антистрофа I Необузданным речам
И безверья слепоте
Злой конец определен;
³⁹⁰ А рассудок и покой
Человека берегут:

С ними жизнь его прочна,
Держатся миром и дома.
С хладной выси эфирной
Видят разумного боги,
Видят они нечестивца.
Да и мудрость не в мудрость, когда
Человек выше смертного смотрит:
Век проходит, и время не ждет,
А ты счастье роняешь из рук,
За мечтою гоняясь!
⁴⁰⁰ Разума нет у таких мудрецов,
Жизнь расточают они без отрады, без пользы.

Строфа II Зовет

Сердце Киприйский брег:
Там царит Афродита;
Там Эроты летают под сенью рощ.

В Фарос,
Где без дождей полны
Воды реки стоустой,
Я за тобой бы умчалась, Вакх...
⁴¹⁰ Иль ты открой мне обитель муз,
Где красотою цветут живой
Славные склоны Олимпа:
Туда уведи меня, Бромий,
Там первый запой «эвоэ»:
Хариты живут там, летает там Нега
И для плясок вакханкам — свобода.

Антистрофа II Пирь,

Вакху угодны вы,
Милы Зевсову сыну!
Но Ирина милей благодатная,
⁴²⁰ Всей молодежи пестунья.
Вина
Влагу усладную,
Всех печалей забвение,
Дал богачу он и бедному.

И ненавистен ему гордец,
Кто без заботы не хочет жить
Утром и милою ночью.
От тех мудрецов горделивых
Я ум свой подальше держу,
430 Душою свободной всегда принимаю
От толпы и обряд я и веру.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Входит слуга Иевфея; за ним двое стражников ведут
пленного Диониса. Навстречу им выходит Пенфей.

Слуга

Мы привели желанную добычу,
Не попусту старались, царь Пенфей.
Но зверь ручным тот оказался: он
Бежать не думал, сам и руки дал,
«Вяжите, мол», и молча улыбался;
С лица румяного не побледнев,
440 Себя связать он дал и увести нам.
И я с почтением ему сказал:
«Пришелец, не моя на это воля:
Мой господин связать тебя велел».
А с теми, царь, вакханками, которых,
Связавши раньше, запер ты в тюрьму,
Случилось чудо: узы их распались
И убежали пленницы. Поди
Теперь они к полянам горным скачут
И в чащу леса Бромия зовут.
Никто не помогал им снять оковы,
С дверей никто запоров не срывал.
450 Да, этот человек немало в Фивы
Принес чудес. А воля, царь, твоя.

П е н ф е й

Оставьте руки пленника. Хоть боек,
А из моих сетей не убежит.
Ну, дай взглянуть, каков ты. Ишь красавец,
Как раз на женский вкус! А ведь для жен
Ты в Фивы и пришел. Да, не в палестре,
Конечно, локон нежный твой взращен
Что вдоль щеки лежит, соблазна полный;
Не на припеке солнца,— в холодке
Ты кожу белую свою лелеял,
Когда красой Киприду уловлял...
460 Откуда родом? Вот вопрос мой первый.

Д и о н и с

Мне хвастать нечем; все ж тебе отвечу:
Ты, может быть, слышал про Тмол цветущий?

П е н ф е й

Что город Сарды охватил кольцом?

Д и о н и с

Оттуда я. Мне Лидия — отчизна.

П е н ф е й

А таинства зачем в Элладу вводишь?

Д и о н и с

Меня послал сын Зевса, Дионис.

П е н ф е й

Есть Зевс у вас, богов родитель новых?

Д и о н и с

Он здесь с Семелой сочетался браком.

П е н ф е й

Тебе внушал во сне иль наяву?

Д и о н и с

⁴⁷⁰ Лицом к лицу, — и таинства преподавал.

П е н ф е й

В каком же роде таинства? Скажи.

Д и о н и с

О них нельзя непосвященным знать.

П е н ф е й

А польза в чем поклонникам от них?

Д и о н и с

Узнать тебе нельзя; но знать их стоит.

П е н ф е й

Поклонников вербуешь ловко ты!

Д и о н и с

Нет, таинства извергнут нечестивца.

П е н ф е й

Каков же из себя он был, тот бог?

Д и о н и с

Какой хотел, без наших указаний.

П е н ф е й

Опять виляешь. Дело говори!

Д и о н и с

⁴⁸⁰ Глупец, кто мудро говорит с невеждой.

П е н ф е й

Ты с этим богом прямо к нам пришел?

Д и о н и с

Все варвары уж чествуют его.

П е н ф е й

Умом слабее эллинов они.

Д и о н и с

Как в чем, но в этом варвар выше грека.

П е н ф е й

А служите вы ночью или днем?

Д и о н и с

Ночь лучше. Мрак имеет обаянье.

П е н ф е й

Ловушка, чтобы женщин развращать...

Д и о н и с

Как будто днем позорному нет места!

П е н ф е й

За злые выдумки наказан будешь!

Д и о н и с

⁴⁹⁰ И ты — за нечестивые слова.

П е н ф е й

Поклонник Вакха дерзкий! Ты речист.

Д и о н и с

Да чем же ты грозишь мне? Что придумал?

П е н ф е й

Во-первых, локон нежный остригу.

Д и о н и с

Священен он: его рашу в честь бога.

П е н ф е й

Затем ты тирс из рук мне передашь.

Д и о н и с

Сам отними. Мой тирс — от Диониса.

П е н ф е й

Потом в тюрьму тебя мы заключим.

Д и о н и с

Раз захочу — сам бог освободит.

П е н ф е й

В толпу вакханок прежде попади.

Д и о н и с

⁵⁰⁰ Зачем? Бог тут, — он видит, что терплю я.

П е н ф е й

Ну, бога что-то подле не видеть.

Д и о н и с

Он здесь, но нечестив ты — и не видишь.

П е н ф е й

Взять дерзкого! Он оскорбил царя.

Д и о н и с

Оставьте! Зрячий — говорю слепцам.

Слуги останавливаются в нерешимости.

П е н ф е й

Вяжите же! Я царь, а он в плену.

Д и о н и с

Ты сам не знаешь, что желает сердце;
Ты сам не знаешь, что творит рука;
Ты сам не знаешь, что ты есть и будешь.

П е н ф е й

Пенфей, Агавы сын от Эхиона.

Д и о н и с

Пенфей!.. И имя мрак тебе сулит.

П е н ф е й

Вон, дерзкий!

(К слугам.)

В стойле подле яслей крепче

⁵¹⁰

Его вы привяжите! Там темно:

Пусть пляшет. А его пособниц, женщин,

Что он с собой привел, я распродам

Иль, отучив от глупого стучанья

И кожаной той музыки, к станку

Приставлю, — мне работницы годятся.

Д и о н и с

(к страже)

Пойдем.

(К хору.)

Не бойтесь: быть чему не должно,

Тому не быть.

(К Пенфею.)

Тебя же за глумленье

Тот Дионис, которого признать

Ты не хотел, накажет. Понося

Меня, ты Диониса оскорбляешь.

Все уходят.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа
520 Ахелоя-старца дочь,
В блеске девственном Диркея!
Помнишь, ты когда-то в волны
Сына Зевса приняла?
Из огня его он вырвал
Из бессмертного и спрятал
У себя в бедре, воскликнув:
«Дифирамб, мой сын, укройся
Ты к отцу в мужское чрево!
Этим именем, о Бромий,
Звать тебя велю я Фивам».

530 Ты ж, блаженная Диркея,
Ты венчанным хороводам
Не даешь приюта в Фивах!
Чем тебе мы не угодны?
Отвергаешь нас зачем?
Нет, клянусь усладой бога,
Пьяным соком винограда:
Ты еще подумаешь о Вакхе.

Антистрофа
540 Оправдал же мрачный род свой
Царь Пенфей, Земли исчадь
И змеиное отродье,
Это семя Эхиона,
Сына мрачного земли!
Не похож на человека:
Смертью он и кровью дышит,
Как гигант в борьбе с богами.
На дружину Вакха узы
Изготовил, в стены дома
Моего вождя он спрятал,
Держит связанным в темнице.
550 Дионис, о чадо Зевса!
Вещих слуг в горниле бедствий
Неужели ты покинешь?
Нет, о бог, спустись с Олимпа,

Тирс колебля златоцветный,
Укроти ты ярый гнев безумца!

Эпод Где-то с тирсом золотистым,
Дионис, твой рой летит?
По лугам ли тучной Нисы,
Иль Парнас тебя взманил,
Или заросли лесные
560 По ущелиям Олимпа,
Где игру Орфея слушать
Звери дикие стекались
И сходили с мест дерева?
О Пиерия, ликуй!
Эвий чтит тебя — и гибких,
Извивающихся в пляске,
570 Он ведет к тебе вакханок.
Только две реки пройдет он:
Прежде будет быстрый Аксий,
А потом, людей кормилец,
Всю страну обогативший,
Родину коней ретивых,
Будет Лидий чистой влагой
Разливаться по лугам.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Дионис
(за сценой)

И-о!
Услышьте мой голос, услышьте его!
И-о, вакханки! И-о, вакханки!

Хор

Кто это? Чей
Голос зовет меня? Кликом вакхическим
Кто зовет?

Дионис
(за сценой)

⁵⁸⁰ И-о! И-о! Снова взываю,
Я — сын Семелы и Зевса!

Хор

И-о! И-о!
Царь ты наш радостный,
О, поспеши
В наш хоровод,
Бромий, мы ждем тебя!

Дионис
(за сценой)

Сила подземная, сила могучая,
Почву земли сотряси!

Корифей

А! А!
Весь на куски дворец сейчас рассыплется...
То бог Дионис в чертоги вступил.
Славьте его!

Хор

⁵⁹⁰ Слава тебе!

Корифей

Видишь, расходятся балки из мрамора,
И из дворца сейчас
Вакха раздастся победный клик.

Дионис
(за сценой.)

Светоч зажги ты Зевесовой молнии!
Испепели ты хоромы Пенфеевы!

К о р и ф е й

А!

Видишь, видишь ты пламя...

Вот на гробе Семелы:

Там, где молния Зевса

Мать Диониса убила,

Вечное пламя оставила!

В прах упадите, менады дрожащие,

⁶⁰⁰ Телом дрожащим в прах!

Царь ваш в чертоги несет разрушенье,

Зевса великого сын.

Дворец на миг загорается. Из него выходит Дионис.

Д и о н и с

Жены Азии, что с вами? Страхом

Вы объяты, пали ниц?.. А, видно,

Содрогнулись вы пред силой Вакха,

Когда дом он рушил? Но держайте,

Поднимитесь и покиньте трепет!

К о р и ф е й

Свет возлюбленный! Ты радость таинств

Возвращаешь брошенной менаде.

Д и о н и с

⁶¹⁰ Духом пали, жены, вы, покуда

Отводил в тюрьму меня Пенфей?

К о р и ф е й

Да ведь ты — одна моя защита...

Как спастись-то удалось тебе?

Д и о н и с

Спас я сам себя, без затруднений.

К о р и ф е й

Разве рук тебе он не связал?

Д и о н и с

В том-то и ошибся он: все время
Он меня вязал в воображенье,
А на деле пальцем не коснулся.
Подле стойла, где мне полагалось
В заключение быть, нашел быка он.
Вот быку-то на ноги и начал
Петли он накидывать, от гнева
620 Задыхаясь, сам в поту, все губы
Искусал он в кровь, — а на безумца,
Тут же сидя, я глядел спокойно.
В это время Дионис явился,
Дом его потряс и пламень ярый
На могиле матери зажег.
Увидал Пенфей и испугался:
Думал, что пожар. И стал метаться
И сюда он и туда; рабам он
Приказал таскать воды, работу
Задал всем, но даром труд пропал.
Вдруг блеснула мысль, что убежал я.
Тут во двор с мечом бежит Пенфей...
И, должно быть, Бромий из эфира
Сделал призрак мой. Я вижу, враг мой
Выскочил и тычет в воздух, словно
Горло колет... Вакх на том не кончил:
Рушит дом он — весь чертог в обломках.
«Вот тебе, Пенфей, мои оковы».
Меч из рук роняя, обессилен,
Падает Пенфей. Так вот что значит
Смертному дерзать на битву с богом!
К вам тогда я без препятствий вышел:
О Пенфее думы больше нету.
Но шаги мне слышатся: стучит
За стеной подошва; чу... подходит.
Что-то нам теперь Пенфей расскажет?

⁶⁴⁰ Гнев его перенесу шутя я:
Мудрый должен быть всегда спокоен.
Выходит П е н ф е й в сопровождении с л у г и.

П е н ф е й

Со мной беда: бежал тот чужестранец,
Которого я только что связал.
Ба! Что я вижу?
Как пред чертогом мог ты очутиться?
Да говори ж, как вышел? Что молчишь?

Д и о н и с

Останови свой гнев и успокойся!

П е н ф е й
(не слушая)

Как ты ушел, как узы мог ты снять?

Д и о н и с

Я говорил тебе: меня развяжут.

П е н ф е й

⁶⁵⁰ Развяжет — кто? Еще что сочинишь?

Д и о н и с

Тот, кто лозу дает нам с виноградом.

П е н ф е й

Нет, это бред — безумие сплошное!

Д и о н и с

Безумье? Пусть! В нем става Диониса.

П е н ф е й

Эй! Запереть ворота все кремля!

Д и о н и с

Зачем? Стене ль остановить богов?

П е н ф е й

Мудрец, мудрец, а тут ума не стало.

Д и о н и с

Мне верно служит мой природный ум...

Я не уйду... а вот смотри-ка лучше:

С горы к тебе — какой-то человек...

Входит вестник.

В е с т н и к

⁶⁶⁰ Пенфей, владыка над землей фиванской!
К тебе пришел я с Киферона, где
Блестящий снег не тает в белых хлопьях...

П е н ф е й

Пришел зачем? По делу по какому?

В е с т н и к

Вакханок видел я могучих, царь,
Что в быстром беге легкими ногами
Покинули страну. Тебе и граду
Пришел поведать я о том, что видел, —
О страшных и неслыханных делах...
Но прежде мне хотелось бы узнать,
Могу ль свободно говорить? Иль речь мне
⁶⁷⁰ Посдерживать? Ты на решенья скор,
Гневлив и самовластен, и мне страшно.

Пенфей

Все говори — в ответ не попадешь.
На правду ведь сердиться не пристало.
И знай притом: чем больше про вакханок
Наскажешь ужасов, тем я сильней
Казню его, внушившего им чары.

Вестник

В тот час, как солнца первые лучи
Греть начинают землю, полегоньку
Коров на пастбище я в гору гнал.
680 Вдруг предо мной из женщин три дружины.
В одной заметил Автоною я,
В другой — Агаву, мать твою, а в третьей
Ино. Все спали на привале, кто
Под спину веток ели подложив,
А те — в листе дубовой утопая...
И чинно как! А ты-то уверял,
Что, пьяные вином и звуком флейты,
Они по зарослям Киприду ловят...
Но вот, средь стана спящего вскочив,
690 Агава-мать их зычным криком будит:
Мычанье стад слышала она.
И, легкий сон сгоняя с вежд, вскочили
Те на ноги — все чудо как скромны:
Старухи, и молодки, и девицы...
Все кудри распускают по плечам;
А у кого небрида развязалась,
Те подтянуть спешат и пестрой лани
Святой покров змеєю подпоясать.
И змеи их не жалили, а только
Беспечно щеки языком лизали.
Те на руки волчонка брали, те
700 От лани сосунка к грудям набухшим
Прикладывали — знать, детей они
Новорожденных бросили. Венками
Они плюща, иль дуба, или тиса
Цветущего украсились потом.
Вот тирс берет одна и ударяет

Им о скалу — оттуда чистый ключ
Воды струится. В землю тирс воткнула
Другая — бог вина источник дал.
А кто хотел напиться белой влаги,
Той стоило лишь землю поскоблить
710 Концами пальцев, — молоко лилось.
С плюща ж на тирсах капал сладкий мед...
Хулишь ты Вакха, царь; но, раз увидев
Все это, — ты молился бы ему.
Мы, пастухи коровьи и овечьи,
Сошлись тогда и все наперерыв
О чудесах невиданных судили...
Бывалый человек нашелся тут
И мастер говорить — мы стали слушать,
И вот что он сказал нам: «Пастухи,
720 Священных высей жители, давайте
Похитим с игрища царицу-мать!
Мы угодим владыке». Тут, конечно,
Все согласились. В зелени кустов
Устроили засаду, притаившись.
Сидим, сидим — и вот в условный час
Под взмахи тирсов игрище открылось,
И в голос стали жены Вакха звать.
Все ликовало с ними — горы, звери;
От топота задвигалась земля.
Случись, что около меня в раденье
Агава очутилась; чтоб схватить
730 Ее, я выскочил — и все открылось.
И-их! закричала: «Борзые, за мной,
За мною, быстрые! Мужчины ловят.
Тирс в руки, борзые, и все — за мной!»
Бегом едва спаслись мы от вакханок,
А то бы разорвали. Там стада
У нас паслись; так с голыми руками
На них менады бросились: корову
Мычащую с набрякшим вымем эти
Волочат: те рвут нетелей; там бок
740 Растерзанный: там пара ног передних
На землю брошена, и свесилось с ветвей
Сосновых мясо и сочится кровью.

Свирепые быки, что в гневе раньше
Пускали в ход рога, — теперь лежат,
Поверженные тьмою рук девичьих.
Быстрее кожу с мяса там сдирали,
Чем очи царские ты б мог сомкнуть...
Но вот снялись вакханки: легче птиц
Бегут в поля на берега Асопа,

⁷⁵⁰ Что свой дают фиванцам тучный колос,
В Эрифры, в Гисии, под Киферон, —
Они несут повсюду разрушенье:
Я видел, как они, детей похитив,
Их на плечах несли, не подвязавши,
И на землю не падали малютки.
Все, что хотели, на руки они
Могли поднять; ни меди, ни железа
Им тяжесть не противилась; на кудрях
У них огонь горел — и их не жег.
Крестьяне, видя, что их скарб вакханки
Разносят беспощадно, — попытались
⁷⁶⁰ Оружие поднять. И вот-то диво:
Их дротик хоть бы раз вакханку ранил.
Вакханка тирс поднимет, — и бегут
Мужчины; сколько раненых осталось!
Менадам тут не смертный помогал.
Но вот туда вернулись вакханки,
Где бог для них источники открыл.
В прозрачной влаге смыли кровь, а змеи
Лизали капли, щеки освежая.
О господин, кто б ни был этот бог,
⁷⁷⁰ Но он — велик; прими его в наш город!
Не знаю, так ли, только я слышал,
Что это он, на утешенье горю,
Дал людям виноград, — а без вина
Какая уж любовь, какая радость!

Вестник уходит.

К о р и ф е й

Перед лицом тирана говорить
Слова свободные опасно; все же
Скажу: нет бога выше Диониса!

П е н ф е й

Нет! Все теснее, все теснее, точно
Пожарный пламень, нас менад злорадство
Охватывает — стыд на всю Элладу!
780 Теперь не время медлить.

(Слуге.)

Ты ступай
К Электриным воротам. Всем скажи,
Кто носит щит тяжелый или конным
Вступает в бой; кто зыблет легкий щит
Иль лука тетиву в сраженье щиплет, —
Всем объяви, что мы идем в поход
Против менад. Какой еще беды,
Когда над нами женщины глумятся?

Слуга уходит.

Д и о н и с

Ты не хотел послушаться меня,
Пенфей, и был жесток со мной. И все же
Я дам тебе совет: смириться лучше
Тебе пред богом, а не поднимать
790 Оружья против сильного. Не даст он
Тебе с горы вакханок увести.

П е н ф е й

Опять меня ты учишь? Ты бежал —
Доволен будь. Иль снова уз ты хочешь?

Д и о н и с

Чем на рожон идти — ты б лучше жертву
Ему принес; ты — человек, он — бог!

П е н ф е й

И принесу. В ущельях Киферона
Я в жертву Вакху женщин перебую.

Дионис

Пенфей, прогонят вас, и — верх позора! —
Отступит перед тирсом медный щит.

Пенфей

⁸⁰⁰ Вот навязался-то болтун беспутный:
Ни отдыха, ни сроку не дает.

Дионис

Мой друг! Еще возможно дело сладить.

Пенфей

Да? Чтоб своих рабынь рабом мне стать?

Дионис

Я сам вакханок приведу, без боя.

Пенфей

Спасибо! Ты предать меня задумал.

Дионис

Нет, не предать — спасти тебя хочу я.

Пенфей

Тут сговор — чтоб вам вечно Вакха славить!

Дионис

Да, в этом, знай, я сговорился с богом.

П е н ф е й
(страже)

Доспехи мне сюда!
(Дионису.)
А ты—молчи!

Д и о н и с

⁸¹⁰ Послушай:
Хотел бы ты их видеть там, в дубраве?

П е н ф е й

Да! Груды б золота за это дал бы я!

Д и о н и с

Опомнись! Что за странное желанье?

П е н ф е й

Нет, нет! На пьяных и смотреть противно.

Д и о н и с

Противно, да? И все ж — хотел бы видеть?

П е н ф е й

Ну да; но молча, затаясь под елью.

Д и о н и с

Ведь выследят, как ни таись, любезный!

П е н ф е й

Ты прав. Туда открыто я пойду.

Д и о н и с

Что ж? Значит, в путь? Вести тебя готов я.

П е н ф е й

⁸²⁰ Веди скорей! Теряем время мы.

Д и о н и с

Так облачись в виссоновые ткани.

П е н ф е й

Как, разве я перечисляюсь в жены?

Д и о н и с

Нельзя иначе — мужа там убьют.

П е н ф е й

Придумано недурно! Да, ты мудр!

Д и о н и с

Сам Дионис, знать, умудрил меня.

П е н ф е й

Ну, чем хорош твой замысел? Скажи мне!

Дионис

А чем он худ? Сам наряжу тебя.

Пенфей

В какой наряд? Неужто — в женский? стыдно!

Дионис

Так, значит, видеть их ты расхотел?

Пенфей

⁸³⁰ А что ты мне надеть на тело скажешь?

Дионис

С макушки кудри по плечам распустим...

Пенфей

Потом... какой наряд ты мне придумал?

Дионис

По пяты — пеплос, митру — над челом...

Пенфей

К убору что-нибудь еще прибавишь?

Дионис

Да: в руку — тирс, небриду спустим с плеч.

Пенфей

Нет, я не в силах женщиной одеться.

Дионис

В сраженье с ними лучше кровь пролить?

Пенфей

Ты прав, — разведки мне необходимы.

Дионис

Умней, чем лихо лихом прогонять.

Пенфей

⁸⁴⁰ А как пройти через Фивы незаметно?

Дионис

Я знаю путь. Мы пустырем пройдем.

Пенфей

Пусть так. Посмешищем для них не стану.
Войдем в чертог; я там решу, что лучше.

Дионис

Изволь; везде к твоим услугам я.

Пенфей

Иду. Решим: в поход ли нам собратся,
Иль лучше сделать так, как ты сказал.
(Уходит во дворец.)

Дионис

Победа наша, женщины: он в мрежу
Уж сам идет. Увидит он вакханок,
Чтоб от вакханок тотчас смерть принять.

Теперь твоей заботе, Дионис, —
Ты же вблизи — его передаю я.
850 Восторгом легким поразив его,
Сведи его с ума: он не захочет
В рассудке здоровом женщиной одеться,
В безумье же наденет, что велят.
Посмещищем для Фив хочу я сделать
Лихого супостата моего,
Ведомого среди них в наряде женском.
Пойду Пенфею надевать убор,
В котором он сойдет в чертог Аида,
860 Руками матери убитый. Бромий
Ему себя покажет: бог суровый
Для гордых, а для кротких — нет добрей.
(Уходит во дворец.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске — белые ноги,
Шею — росе студенной.
Лань молодая усладе
Луга зеленого рада.
870 Вот из облавы вырвалась,
Сеть миновала крепкую.
Свистом охотник пускай теперь
Гончих за ланью шлет,
Ветер — у ней в ногах.
В поле — раздолье.
Берегом мчатся отрадно ей,
Даром, что члены сжимает усталость;
Тихо кругом — она рада безлюдью,
Рада молчанию чащи зеленой.

Когда ж над вражьей головой
Держишь победную руку ты, —
Это ль не мудрость?

⁸⁸⁰ Это ль не дар от богов нам прекраснейший?

А что прекрасно, то любо всегда!

Антистрофа Медленно, твердым шагом
Божья сила к нам движется.

Дерзких она карает,
Тех, кто живет неправдой,
Кто отвергает безумно
Жертвы богам и моления.

⁸⁹⁰ За нечестивцем издали
Зорко следят бессмертные:
Казнь приближается тихо к ним
С каждым мгновением.

Веры не надо нам
Лучше отцовской;
Легким усилием признаешь ты
Мощным того, кого богом зовем мы,
Вечными, духу врожденными, — истины,
В кои так долго уж веруют люди.

Когда ж над вражьей головой
Держишь победную руку ты, —
Это ль не мудрость?

⁹⁰⁰ Это ль не дар от богов нам прекраснейший?

А что прекрасно, то любо всегда!

Эпод Счастлив пловец, что в бурю

В гавань вошел и спасся;

Счастлив и тот, кто в сердце

Бурю сомнений и дум усмирил.

Нет в остальном тебе счастья надежного.

Власть ли, богатство ли — ныне в них первый ты,

Завтра другому уступишь ты их.

Правда, даны и другие надежды нам,

Многие многим; ан, глянешь — к богатству

Сводятся те, а другие не сбудутся.

⁹¹⁰ Нет! Кто доволен дарами мгновения,

Тот нам и счастлив — так веруем мы.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Из дворца выходит Дионис.

Дионис

Ты, видеть запрещенное и делать
В несчастной страсти ищущий — Пенфей!

Из дома выйди и явись одетый
Нам женщиной — неистойой вакханкой, —
Лазутчиком царицына отряда!

Пенфей выходит из дворца в женской одежде.

И с виду ты похож на Кадма дочь.

Пенфей

Мне кажется, что вижу я два солнца,
И Фивы семивратные... вдвойне...
⁹²⁰ Ты кажешься быком мне, чужестранец,
Вон у тебя на голове рога...
Так был ты зверь и раньше? Бык, бесспорно!

Дионис

То божья милость снизошла, Пенфей.
Теперь ты видишь то, что должен видеть.

Пенфей

Кого ж тебе напоминаю я:
Ино ли, иль Агава пред тобою?

Дионис

⁹²⁷ За туб тебя я принял и другую.
Но погоди: я локоны под митру
Тебе убрал. Откуда ж эта прядь?

П е н ф е й

⁹³⁰ Да выбилась. Я, знаешь, был в восторге
И голову все вскидывал да гнул...

Д и о н и с

Сейчас исправим. Я недаром взялся
Тебе служить. Ну, голову прямей!

П е н ф е й

Изволь. На то я отдался тебе.

Д и о н и с

И пояс распустился. Складки платья
Не рядышком спускаются до ног.

П е н ф е й

Да, да: здесь, с правой стороны. Но слева
Исправно все, от пояса до пят.

Д и о н и с

⁹⁴⁰ Расхвалишь ты меня, когда вакханок
Увидишь...

(Про себя.)

О, скромнее, чем ты думал.

П е н ф е й

Какой рукою тирс мне поднимать,
Чтобы казаться истинной вакханкой?

Д и о н и с

(показывая на правую руку Пенфея)

Вот этой вместе с правой ногой.
Я рад, что ум твой прежний путь оставил.

П е н ф е й

Как думаешь, смогу ль я Киферон
С вакханками взвалить себе на плечи?

Д и о н и с

Да, коль захочешь. Разум твой был болен:
Теперь он — тот, каким он должен быть.

П е н ф е й

Рычаг возьмем или рукой скалу
⁹⁵⁰ Мне обхватить, плечо под склон подставив?

Д и о н и с

Нет, пощади, Пенфей, обитель нимф,
Приют, где Пан играет на свирели.

П е н ф е й

Ну, хорошо. Действительно, зачем
Их силой брать? Пусть ель меня прикроет.

Д и о н и с

О да, тебя прикроет верный кров, —
Коварного лазутчика вакханок.

П е н ф е й

Они ведь там в сетях любовной неги,
Как пташки, млеют в зелени кустов!

Д и о н и с

На то ведь ты разведчиком собрался;
⁹⁶⁰ Поймаешь их...

(Про себя.)

Коль сам не будешь пойман.

П е н ф е й

По главным улицам меня веди!
На этот подвиг я один дерзаю.

Дионис

Да, ты один за город пострадать
Теперь идешь — ждет бой тебя достойный.
Идем! Туда спасенья путь тебе
Я укажу; оттуда же доставит —
Другой...

П е н ф е й

Тебя я понял: мать моя?

Дионис

Над всей толпой...

П е н ф е й

Затем я и иду!

Дионис

Обратно будешь ты несом...

П е н ф е й

Блаженство!

Дионис

На матери руках...

П е н ф е й

Нет, слишком пышно!

Дионис

⁹⁷⁰ О да, так пышно!

Пенфей

Что ж, того я стою!

Дионис

О, ты велик — и велики страдания
Твои; за то и славой вознесешься
Ты до небес. Вперед, Агава, сестры!
К вам юношу на страшный бой веду:
А победит в нем — Дионис да я.
Мои слова вам время объяснит.

Уходят.

СТАСИМЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

Строфа На Киферон помчитесь, псицы Лиссы,
Помчитесь, борзые! В челе дружин —
Там Кадма дочери.
⁹⁸⁰ Под женским убором укрыться мнит
Лазутчик менад, безумный Пенфей.
И первая мать с открытой скалы
Увидит, как крадется он,
И крикнет она:
«Смотрите: чужой
Из Фив на Киферон наш, на Киферон пришел.
Кто породил его? Крови не женской он.
В нем львицы скорей порода видна,
⁹⁹⁰ Ливийских Горгон».
Гряди же ты, кара, с грозой, с мечом,
И шею насквозь пронзи
Тому, кто суд и правду, безбожный, оскорбил,

Пенфею, чаду праха!
Антистрофа Безумна ярость дикого Пенфея,
 О Дионис, на оргии твои
 И Реи-матери!
¹⁰⁰⁰ Все рвется безумец на дерзкий бой,
 В борьбе роковой победу вкусить...
 Нет, горя не знать
 Дано лишь тому,
 Кто божье оставил богам.
 Что мудрость, коли счастья не может дать она?
 Мне же отраднo чтить ночью и днем богов;
 И если чего в законе их нет,
¹⁰¹⁰ То чуждо и мне.
 Гряди же ты, кара, с грозой, с мечом,
 И шею насквозь пронзи
 Тому, кто суд и правду, безбожный, оскорбил,
 Пенфею, чаду праха!

Эпод Быком обернись ты, наш Вакх, наш бог,
 Явись многоглавым драконом
 Иль львом золотистым ты в очи метнись!
¹⁰²⁰ Лазутчик менад нацелил напасть
 На стаю вакханок.
 Приди же и петлю с улыбкой накинь.
 Безумцу на шею.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Вбегает второй вестник.

Вестник

О дом, блиставший счастием в Элладе,
 Дом Кадма-старого, что здесь, в полях
 Аресовых, пожал посев змеиный, —
 Хоть я и раб, но плачу над тобой.

К о р и ф е й

Ты от вакханок? Что же там случилось?

В е с т н и к

¹⁰³⁰ Узнай! Царя Пенфея больше нет.

Х о р

О Бромий-владыка! Слава великому богу!

В е с т н и к

Что слышу я? Что это значит? В горе
Наш царский дом, — а ты, жена, ликуешь?

Х о р

Я варварской песнью восславила бога
За то, что не надо оков мне бояться.

В е с т н и к

Ты думаешь, так оскудели Фивы,
Что наказать не сможет вас никто?

Х о р

Мой повелитель — Дионис, сын Зевса,
Не Фивы, нет!

В е с т н и к

¹⁰⁴⁰ Простительно вам это: но не грех ли —
В виду чужого горя, ликовать?

Х о р

Ты поведай нам, как погиб твой царь,
Злой безумец, злых исполнитель дел.

В е с т н и к

Оставив за собою хутора
Фиванские и перейдя Асопа
Струи, по склону Киферонских гор
Мы подниматься стали — царь Пенфей,
С ним я да тот кудесник, что коварно
На игрище нас взялся проводить.

В лесную глушь сначала мы забрались
И сели там на травке, притаясь;
Старались не шуметь, едва шептали,
1050 Чтоб не открыли зрителей они.
Глядим — лощина, а вокруг все скалы,
А в той лощине ели да ручьи;
Под елями, глядим, — сидят менады
И все по сердцу делом заняты:
Те облетевший снова навивают
На тирсы плющ, а те промеж себя
В вакхической резвятся переключке,
Веселые, что жеребицы, с коих
Возницы сняли пестрое ярмо.
Но царь несчастный их не видел; гостю
Он так сказал: «Отсюда, чужестранец,
1060 Не видно самозванных мне менад.
Вот если б на какой-нибудь пригорок
Мне влезть, с верхушки ели посмотреть,
Я б разглядел все грешные дела их».
Так молвил он; последовало чудо.
Была там ель, под облака верхушкой:
Гость взял ее за верхней ветви край,
Стал гнуть — все гнуть да гнуть к земле сырой.
Она ж круглилась, точно лук упругий
Иль колесо, которому столяр
Его окружность циркулем наметил.
Так до земли, круглясь, она склонилась
В его руках, — не человек то был.
1070 И вот, на ветви усадив Пенфея,
Гость начал потихоньку ель пускать
Так, чтоб она безумца не стряхнула;
И уперлась вершиной ель в эфир,
А на вершине царь сидел несчастный.
Но лучше чем увидеть он их мог,
Он ими сам замечен был. Как только
Я убедился, что взаправду царь
Там, на вершине, озираюсь — гостя
Уж подле нет: и вдруг какой-то голос
Из синевы воздушной зазвучал,
Не иначе как Вакха: «Эй, юницы!

¹⁰⁸⁰ Я к вам привел того, кто осмел
Меня, и вас, и таинства святые.
Расправьтесь с ним!» И тотчас столб огня
Между землей и небом загорелся.
Замолк эфир, не шевелились листья
Дубравы горной, все кругом притихло.
Они ж, неясно слухом восприняв
Его призыв, поднялись с мест своих,
В недоуменье озираясь. Снова
Он к ним воззвал. Когда же дочери Кадма
Признали голос Диониса, — вмиг
Они в поспешном беге понеслись,
¹⁰⁹⁰ Что диких стая голубей: Агава,
И сестры с ней, и все вакханки следом,
Наитьем бога одержимы, мчатся
По валунам, по пням и бурелому.
Вот господина моего они
Заметили на ели. По соседству
Утес нашли и камнями бросать
В Пенфея, и словыми ветвями,
Что дротиками, стали; пригодились
И тирсы тут. Но в бедную мишень
Не удалось попасть им, как ни бились:
Уж очень высоко тогда сидел
¹¹⁰⁰ Беспомощный Пенфей на этой ели...
И вот они, набравши сучьев дуба,
Стараются (железа нет у них)
Ель отделить от корней, — все напрасно.
Попытку бросили и эту. Мать
Тут крикнула: «Давайте станем кругом,
За дерево возьмемся — и авось
С вершины мы тогда достанем зверя,
Чтоб тайн священных он не разгласил».
Без счету рук за ель тут ухватились
¹¹¹⁰ И вырвали с корнями... Высоко
Сидел Пенфей — и с высоты на землю
Он полетел и грохнулся. Раздался
Ужасный крик: он гибель увидал.
И вот всех прежде мать его, как жрица,
Бросается на жертву. Тут Пенфей

С волос срывает митру, чтоб признала
Свое дитя Агава, пощадила,
Несчастливая; щеки касаясь с лаской,
Он молвит: «Матушка, ведь это я,
1120 Пенфей, тобой рожденный Эхиону!
О, пожалей и за мою провинность
Свое дитя, родная, не губи!»
Но он молил напрасно: губы пеной
У ней покрылись, дико взор блуждал,
И рассуждать была она не в силах:
Во власти Вакха вся тогда была.
Вот в обе руки левую берет
Злосчастливого Пенфея руку, крепко
В бок уперлась и... вырвала с плечом —
Не силою, а божьим изволением.
Ино с другой напала стороны
1130 И тело рвет. Явилась Автоноя,
За ней толпа. И дикий гул стоял
Над местом мук. Стонал Пенфей несчастный,
Пока дышал, и ликований женских
Носились клики. Руку тащит та,
А та — ступню с сандалией, и с ребер
Сдирают мясо, кости обнажая,
И обгагреными руками тело
Царя разносят в бешеной игре...
Разбросаны останки по скалам
Обрывистым, в глубокой чаще леса...
Где их сыскать? А голову его
Несчастную Агава — ведь она же
1140 Ее сорвала — на свой тирс воткнув,
Со склонов Киферона понесла,
Ликуя, будто, льва сразив, победный
Она трофеей на тирсе нам несет.
И вот, сестер покинув в хороводах,
Она к воротам близится, гордясь,
Безумная, добычей злополучной,
И Вакха прославляет, что помог
В охоте, что ее венчал победой,
А всей-то и победы — только слезы.
Подальше от несчастной отойти,

Пока еще близ дома нет Агавы!
1150 Да, скромность и почтение богам —
Вот лучшее, что есть, и кто сумеет
Всю жизнь блюсти их свято, тот мудрец.
(Уходит.)

СТАСИМ ПЯТЫЙ

Хор

Воспляшем в честь Вакха — и слава ему!
Мы кликом восславим Пенфееву смерть.

Погиб Пенфей — отродье

Ужасное змея:

Он женщиной оделся,

За посох тирс он принял

И с ним в Аид сошел.

Шел бык перед Пенфеем:

В беду его он вел...

1160 А вы, менады Фив,

Вы гимн свой, славы полный,

Победный гимн свели

На стоны и на слезы.

О, славный поединок,

Где матери рука

Багрится кровью сына!

КОММОС

Агава входит в сопровождении толпы фиванских вакханок;
на тирсе у нее голова Пенфея.

Корифей

Но вот спешит к Пенфееву дворцу

Агава-мать — безумный взор блуждает...

Приветствуйте поклонниц Диониса!

Агава

Строфа Вакханки Азии...

Хор

Что ты зовешь меня?

Агава

¹¹⁷⁰ Несем с Киферона
Улов свой счастливый,
Трофеей этот свежий,
Кисть плюща к чертогам.

Хор

Я вижу, товарка: приди и ликуй!

Агава

Его без сетей изловила...
Смотрите-ка: львенок,
Ведь можно узнать...

Хор

В глуши где-нибудь?

Агава

О да: Киферон...

Хор

Ну что ж: Киферон?

Агава

Убил... погубил.

Хор

Кто первая коснулась?

Агава

¹¹⁸⁰ «Счастливую Агавой» в дружинах я зовусь...
Мой подвиг это, мой!

Хор

Одна ты?

Агава

Нет, Кадма...

Хор

Что Кадма?»

Агава

Отродье...

Те после меня, те после меня

За зверя взялися... Добыча на славу!

Антистрофа Приди ж, пируй со мной!

Хор

Пир-то где, горькая?

Агава

Детеныш-то молод:

Хоть грива космата —

Волосики пуком

Лицо обрамляют.

Хор

Зверь дикий, конечно: как много волос!

Агава

¹¹⁹⁰ Да, бог наш — охотник искусный,

И ловко менад он

На след наводил!

Хор

Владыка — ловец!

Агава

Поздравишь меня?

Хор

Поздравлю, изволь.

Агава

Фиванцы... ах... те...

Хор
И сын Пенфей Агаву...

Агава

Мой сын поздравит мать!
Она ж взяла добычу неслыханную: льва!

Хор

На славу...

Агава

Со славой...

Хор

Гордишься?

Агава

Еще бы!..
Добычей такой, трофеем таким!
Всем Фивам на диво мой подвиг свершон.

ЭКСОД

Корифей

¹²⁰⁰ Да покажи ж, несчастная, фиванцам
Победную добычу наконец.

Агава

Вы, жители твердынь фиванских славных,
Придите и любуйтесь! Вот — трофей!
Мы, дщери Кадма, изловили зверя:
Тут дротик фессалийский ни при чем,
И схвачен зверь не сетью, а кистями
Рук наших белых. Ни к чему теперь,
Оружием обвесившись, кичиться!
У нас учитесь: мы его рукой
¹²¹⁰ И изловили, и на части тело
Разъяли — без железа. Где отец?

Что я не вижу с нами старца Кадма?
И где Пенфей, мой сын? Пускай возьмет
Он лестницу покрепче и к триглифу
Вот эту львиную главу прибьет —
Мою добычу в нашей славной ловле!

Входит К а д м. За ним несут на носилках останки Пенфея.

К а д м

Сюда несите свой печальный груз,
Товарищи, поставьте перед домом...
Пенфея труп искать пришлось мне долго,
И по кускам его я подбирал:
¹²²⁰ В расщелинах глубоких Киферона,
В лесу дремучем долго я ходил.
Мы с игрища с Тиресием обратно
Уж городом фиванским шли домой,
Когда рассказ ужасный мне поведал,
На что дерзнули дочери мои.
Я снова — на гору; оттуда внука,
Менадами убитого, несу.
Я видел там несчастных иступленных:
Мать Актеона, Автоною, с ней
Ино: в лесу поныне остаются
¹²³⁰ Они. А про Агаву мне сказали,
Что, в бешенстве, вакхической стопою
Она сюда ушла.

(Видит Агаву.)

Был верен слух.

О, зрелище печальное! О, горе!

А г а в а

Отец, гордись! Да, дочерей таких
Еще никто из смертных не посеял.
И сестрами гордись, но больше мной:
Ты знаешь, как я от станка шагнула?
Зверей, отец, руками я ловлю...
Вот полюбуйся на мою добычу,
И пусть она украсит твой дворец.

¹²⁴⁰ Прими ее обеими руками
И, ловлей дочери гордьясь, на пир
Зови друзей. Теперь вполне ты счастлив...
Конечно, счастлив — героинь отец!

К а д м

О, скорбь, — ее не смеришь, не оглянешь!
Убили вы — вот дело жалких рук.
Да, славную богам повергла жертву
Ты, что зовешь нас с Фивами на пир.
Да, горе нам: тебе, Агава, горе,
А за тобой и мне. Он, этот бог...
¹²⁵⁰ Был справедлив, конечно, но, жестокий,
Не пощадил и рода своего.

А га ва

Как портит старость человека, боже!
Угрюмый голос, неприветный взор...
Эх, хоть бы сын мой в мать пошел и стал бы
Охотником лихим, за диким зверем
В толпе гоняясь молодых фиванцев...
Да где ему! Он только с богом может
Бороться. Хоть бы ты его, отец,
На ум наставил... Впрочем, где же он?
Пред облик мой его вы призовите,
Чтоб в блеске счастья на меня взглянул.

К а д м

¹²⁶⁰ О, горе, горе! Если только все,
Что сдедали, поймете вы, — ужасна
Скорбь ваша будет. Если ж навсегда
Пребудете в безумии, то в горе
Своем вы хоть мечтою насладитесь...

А га ва

Да что же тут дурного? Где тут горе?

К а д м

В эфир сначала взор свой погрузи.

А га ва

Изволь. Что там увидеть я должна?

Ка д м

Все тот же он? В нем перемены нет?

А га ва

Да, будто ярче стал он и лучистой.

Ка д м

А то... волнение... улеглось оно?

А га ва

1270 Не знаю, что ты говоришь; но будто
В себя я прихожу теперь, отец.

Ка д м

Могла б ты ясно на вопрос ответить?

А га ва

Да; прежнее забыла я, отец.

Ка д м

В чей дом вошла ты с песнью Гименея?

А га ва

За Эхиона отдал ты меня.

Ка д м

А сын какой у твоего был мужа?

А га ва

Пенфей — сын мой и мужа моего.

Ка д м

А чья глава в руках твоих, Агава?

А га ва

Чья? Это лев. Так мне сказали там.

Кадм

Вглядись в него, — труд невелик, дитя.

Агава

¹²⁸⁰ Что это, боги? Что я принесла?

Кадм

Гляди, гляди, пока совсем признаешь!

Агава

Я вижу, — о! Я вижу смерть свою.

Кадм

Что ж, голова на львиную похожа?

Агава

Нет! Голову Пенфея я держу.

Кадм

Что, не признавши, обагрила кровью!

Агава

Убил-то кто? Как он попал ко мне?

Кадм

О, злая истина, пришла ты поздно.

Агава

Ах, сердце не на месте; не томи!

Кадм

Убийца ты; а помогали сестры.

Агава

¹²⁹⁰ Где ж он погиб? В чертогах или где?

Кадм

Где Актеон собаками растерзан.

А га ва

Да как же на гору попал несчастный?

Ка д м

Пошел глумиться над служеньем вашим.

А га ва

А мы, отец? Как мы ушли туда?

Ка д м

В вакхическом восторге бросив Фивы.

А га ва

Я поняла: нас Дионис сгубил.

Ка д м

Разгневанный, что вами не был признан.

А га ва

Но где же тело дорогое сына?

Ка д м

С трудом его собрал я и принес.

А га ва видит на земле носилки, покрытые черным саваном.

А га ва

¹³⁰⁰ На месте все? Все сложено опять?

* * * * *
Я согрешила; но зачем же сын мой
За матери безумие ответил?

Ка д м

Как вы, он бога не хотел признать.
За то нас всех одной бедой покрыл он:
Вы, и Пенфей, и весь наш род погиб,
И мне, которому не дал бог сына,
Теперь пришлось смотреть на отпрыск твой,
Убитый так злодейски, так позорно.

Дитя мое, с надеждой на тебя
1310 Мой дом взирал, ты был его опорой!
Тебя, Пенфей, весь город трепетал.
Твой ясный взор грозою был неправых
И от обиды старика спасал.
Теперь же из дому, пожалуй, выгнан
С позором буду я, — великий Каdm,
Тот Каdm, что здесь, посеяв род фиванцев,
Такую жатву дивную собрал.
О мой Любимый!.. Нет тебя со мною,
А все тебя по-прежнему люблю.
До бороды рукой уж не коснешься,
Уж не обнимешь деда, дорогой;
1320 Не скажешь: «Кто, старик, тебя обидел?
Кто сердце растревожил и смутил?
Скажи, отец, — и дерзкий мне ответит!»
Теперь несчастлив я, загублен ты,
Разбита горем мать, несчастны сестры...
О, смертный! Если небо ты презрел,
Взглянув на эту смерть, в богов уверуй!

К о р и ф е й

Старик! Тебя мне жаль: хоть заслужил
Пенфей свой жребий, все же горько деду.

А г а в а

Отец, ты видишь: изменилась я.

* * * * *

Д и о н и с

(появившийся в вышине)

1330 ...Драконом станешь ты, а дочь Ареса
Гармония, что в жены получил
Ты, смертный, тоже примет вид змеинный.
И повезут тебя с женой быки
Перед несчетной варварской дружиной,
И много городов ты разоришь:
Оракул Зевса вам вещает это.
Но Феба прорицалище твои
Разграбят воины и на возвратном

Пути постраждут. А тебя Арес
С Гармонией спасет и вас с женою
На острове блаженных поселит,
¹³⁴⁰ Я говорю вам это, сын Завеса,
Не смертным порожденный Дионис.
Ах, если бы стезю благоразумья
Избрали вы тогда, когда на путь
Нечестья вас толкнула ваша гордость, —
Вы были б счастливы теперь, имея
Союзником Зевесово дитя!

А га ва

Мы виноваты, сжался, Дионис!

Ди о н и с

Нет, к богу вы идете слишком поздно.

А га ва

Ты прав, о бог, но чересчур суров...

Ди о н и с

Я, бог, терпел от смертных поношенья.

А га ва

Но разве смертный гнев пристал богам?

Ди о н и с

Отец мой Зевс все порешил давно.

А га ва

¹³⁵⁰ Все кончено, старик! О, мрак изгнанья!

Дионис

Что ж медлить? Рок свершится — все равно.

Кадм

Дитя мое, беда приспела злая
На нас — и на тебя и на сестер,
И мне пришлось на старости печальной
Переселяться к варварам. Увы,
Оракул мне сказал, что на Элладу
Я варварское войско приведу:
Дракон с змеею — Кадм и дочь Ареса, —
Мы во главе их смешанных дружин
¹³⁶⁰ Пойдем на алтари, гробницы греков...
И Ахеронта волны не дадут
Злосчастному от бед успокоенья.

Агава

Отец, как ты уйдешь, меня ушлют...

Кадм

Дитя, к чему бессильного отца,
Как птица-лебедь, обнимаешь ты?

Агава

Кто даст приют отверженной, несчастной?

Кадм

Не знаю, дочь. Отцу не защитить.

Агава

¹³⁷⁰ Ты прости, мой чертог, моя родина! Вас
Оставляю на горе себе, изгнана
Из любимых хором...

К а д м

Ты прости, дорогая. В последний ты раз
Злополучное место увидишь, где рок
Аристеева сына, затем — твоего,
Беспощадный, сгубил.

А г а в а

Как мне жаль тебя, старец!

К а д м

А мне-то тебя

И сестер твоих бедных!

А г а в а

Неслыханных кар
Чередою взыскал этот дом Дионис!

Д и о н и с

Он неслыханных мук натерпелся от вас:
Поруганью вы предали имя его!
(Исчезает.)

А г а в а

Будь здоров, мой отец.

К а д м

Будь здорова и ты,

¹³⁸⁰ Горемычная дочь, если можно тебе.
(Уходит.)

А г а в а

О подруги мои! Поведите меня
На лужайки лесные, где сестры сестру,
Соизгнанницы жалкие, ждут. А затем —

Да найду я тот край, где проклятый меня
Киферон не увидит, где очи мои
Киферона не узрят кровавых полян,
Где не ведают тирсов, не знают небрид —
Пусть другим они служат вакханкам!
(Уходит.)

Хор
(покидая, оркестру)

Многовидны явления божественных сил,
Против чаянья, много решают они:
¹³⁹⁰ Не сбывается то, что ты верным считал,
И неожиданному боги находят пути;
Таково пережитое нами.